

Л.В. Цурикова
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ: ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ
ЗАНОВО

John. J.Gumperz and Steven C.Levinson (eds.) *Rethinking Linguistic Relativity*. Studies in Social and Cultural Foundations of Language, no.17. - Cambridge: Cambridge University Press. 1999. - 488 p.

Вопрос о том, как соотносятся между собой язык и мышление, являясь одной из сторон основного философского вопроса о взаимоотношении материи и сознания, занимает важнейшее место не только в науке о языке, но и в философии, психологии, социологии, логике и многих других областях знания. Проблема связи языка, мышления и действия исследуется на протяжении всей истории науки – от глубокой древности до наших дней. Ученые прошли долгий путь в ее изучении, рассматривая язык и мышление по оси от полного их отождествления до полного их различия и утверждения их независимости друг от друга. И если в течение долгого времени усилия исследователей были направлены на то, чтобы обосновать наличие или отсутствие связи между языком и мышлением, то в настоящий момент основное внимание специалистов сосредоточено на выявлении характера этой связи, поскольку наличие ее признается практически всеми.

Теория лингвистической относительности занимает особое место в ряду концепций, призванных объяснить особенности взаимоотношений между языком и мышлением в сознании человека. Известная в современной науке под названием гипотезы Сепира-Уорфа и сформулированная с позиций дескриптивизма, она, тем не менее, тесно связана с идеями В. фон Гумбольдта и его концепцией внутренней формы языка, которые, в свою очередь, уходят корнями в традиции европейской философской мысли, связанной с именами Бэкона, Лейбница, Гердера и с французскими просветителями XVIII века. В ее наиболее радикальной версии гипотеза Сепира-Уорфа сводится к тому, что язык организует опыт человека, формирует структуру его сознания, расчленя-

ет действительность и концептуализирует ее в ментальном пространстве специфическим для каждого языка образом, поэтому, в силу различия национальных языков, действительность представляется носителям разных языков неодинаково. С того момента, как эта гипотеза была впервые сформулирована в 40-е г.г. XX в., и до настоящего времени вокруг ее основных положений кипят, то затихая, то возобновляясь с новой силой, жаркие научные споры, отражающие борьбу двух противоположных концепций – релятивизма и универсализма – в различных направлениях лингвистического и философского структурализма. Проводимые вот уже более полувека многочисленные эмпирические исследования, ставящие своей целью найти подтверждение или опровержение этой идеи, не дали однозначного ответа на вопрос о том, влияет ли язык, на котором мы говорим, на то, как мы думаем о мире. Поэтому естественно, что каждая новая серьезная публикация на эту тему вызывает особый интерес в научном мире и служит толчком для новых споров и дискуссий. Именно к таким интереснейшим “концептуальным” публикациям относится рецензируемая коллективная монография, ставшая своего рода бестселлером среди лингвистов, философов, антропологов и выдержавшая с момента первой публикации в 1996 г. уже три издания. Авторами этого замечательного во многих отношениях научного труда являются широко известные в мировой лингвистике ученые – Дж. Гамперц, С. Левинсон, Э. Охс, Дж. Луси, Г. Кларк, Д. Слобин, П. Кэй и др., рассматривающие основные идеи теории лингвистической относительности и следствия из нее с современных теоретических и методологических позиций с учетом всех последних дости-

жений в области изучения различных аспектов языка и когнитивных механизмов его функционирования. Именно междисциплинарный характер этого коллективного исследования придает ему особую научную ценность и актуальность.

Монография состоит из четырех глав, посвященных различным аспектам рассматриваемой проблемы, в каждой из которых представлены исследования, проведенные в разных областях лингвистики. Всю монографию, а также каждую из глав предваряет подробное вступление-анализ издателей Дж. Гамперца и С. Левинсона. По своему содержанию и глубине анализа вступления эти конкурируют с основными статьями монографии, дополняемыми подробными авторскими комментариями и обширнейшей библиографией по обсуждаемому вопросу.

В построении монографии прослеживаются две основные линии: первые две главы посвящены классическим проблемам соотношения языка и мышления и рассмотрению языковых и культурных универсалий; в фокусе последних двух глав находятся новые проблемы, связанные с влиянием внешних параметров коммуникации на формирование языкового значения.

В статьях **первой главы** (“Linguistic determinism: the interface between language and thought”) анализируются две версии классической теории языковой относительности – радикальная и “умеренная” – и существующие в этой области исследования, а также предлагается более широкая ее трактовка, принимающая во внимание относительность *использования* языка его носителями (a relativity in *use of language*) (Дж. Луси).

Д. Слобин рассматривает проблему под новым углом зрения, анализируя относительность “мышления для говорения” (thinking for speaking) – особой формы мышления, мобилизуемой для коммуникации. На примере своего эмпирического сопоставительного исследования, проведенного на материале четырех языков, он показывает, что в процессе “мышления для говорения” существующие в каждом языке обязательные грамматические кате-

гории определяют выбор носителями этих языков конкретных дискурсивных стратегий вербальной маркировки аспекта и движения при порождении нарративных текстов.

П. Кэй, не скрывающий своего критического отношения к идее языкового детерминизма, отмечает, что каждый язык предлагает его носителю целый набор различных концептуализаций, из которых при порождении дискурса носитель языка каждый раз делает выбор. Речь, таким образом, ведется о том, что при рассмотрении проблемы языкового детерминизма необходимо учитывать фактор концептуальной вариативности. Тем не менее, вопрос о причинах несовпадений вариантов концептуализации в разных языках остается открытым. Ч. Келлер и Дж. Келлер рассматривают проблему языкового детерминизма с позиций современной “модулярной” теории сознания, предполагающей существование различных “модулей”, или процессоров, специализированных для обработки разной информации. Полагая, что когнитивные механизмы сознания могут быть так же специализированы, эти авторы приводят аргументы, свидетельствующие о существовании различных, независимых друг от друга, видов мышления, и говорят о том, что идея языкового детерминизма может иметь отношение только к той части когнитивной системы, которая специализируется на пропозициональных репрезентациях.

Вторая глава монографии (“Universals and variation in language and culture”) посвящена рассмотрению языковых и культурных универсалий. Авторы ее исходят из того, что даже если предположить правильность идеи языковой относительности, тесно связанной с культурной относительностью, это не исключает, а скорее, напротив, предполагает необходимость поиска и анализа универсальных категорий человеческого сознания, делающих возможным взаимопонимание, пусть и относительное, между людьми, говорящими на разных языках и представляющими разные культуры. Поиск и анализ языковых и культурных универсалий, тем не менее, составляет крайне

сложную задачу. Там, где их существование можно было бы предполагать с достаточно высокой степенью уверенности (например, в сфере пространственных концептов), выявить их практически не удается (М.Бауэрман, С.Левинсон), однако они обнаруживаются в других, иногда неожиданных, концептуальных пространствах (например, в области религиозных идей (П.Бойер)). По мнению авторов монографии, это доказывает, что когнитивные способности человека обусловлены, с одной стороны, универсальными свойствами сознания, а с другой – культурными особенностями общества, к которому он принадлежит, и которое определенным образом формирует и направляет его ментальное развитие в процессе социализации. Для понимания того, как сосуществуют и отражаются в сознании индивида универсальные психические и вариативные культурные свойства, необходимо дальнейшее изучение влияния этих разнородных факторов на его когнитивную систему.

В **третьей главе** монографии (“*Interpretation in cultural context*”) идеи теории языковой относительности рассматриваются в новом, нетрадиционном для подобных исследований ключе. В фокусе внимания исследователей оказывается роль, которую играют в определении и интерпретации языкового значения дискурсивный контекст и неязыковые пресуппозиции коммуникантов. Принимая за точку отсчета широко признаваемую в современной лингвистике идею о том, что языковое значение является результатом взаимодействия семантического потенциала языковых единиц и параметров контекста, в котором они используются, авторы считают, что это предполагает достаточно регулярную зависимость выражаемых языком значений от культурного контекста. На примере анализа явлений дейксиса в языках майя (У.Хэнкс) и тцотцил (Дж.Хэвилэнд) и процесса референции в целом (Г.Кларк) авторы монографии показывают, что понимание выраженных средствами языка значений базируется на разделяемых носителями этого языка знаниях и пресуппозициях, полученных из

совместного опыта. Из этого следует, что различия в интерпретации значения могут возникать независимо от различий (или сходства) в грамматике и лексиконе коммуникантов, что можно считать аргументом против языкового детерминизма.

Авторы **четвертой главы** (“*The social matrix: culture, praxis and discourse*”) рассматривают возможные последствия такой идеи для всей теории лингвистической относительности. С одной стороны, существование конвенций интерпретации языкового значения, обусловленных системой социальных связей, в которую входит индивид, снимает проблему соотношения языка и культуры, так как предполагает рассмотрение такой группы не с точки зрения ее национально-культурной или этнической однородности, а как совокупности активных независимых индивидов, в основе взаимодействия которых лежат скорее универсальные, чем культурно специфические принципы (Э. Охс, Дж. Гамперц). С другой стороны, идея “коллаборативной” (collaborative) природы значения, обусловленного совместным опытом, общим фондом знаний и сходными ассоциациями, сама по себе отрицающая идею Уорфа, при ее абсолютизации может легко привести к самой радикальной, максималистской, версии гипотезы языковой относительности. В самом деле, что мешает рассматривать “группу” в терминах совместно приобретенного сходного исторического и культурного опыта? Авторы монографии полностью отдают себе в этом отчет и поэтому избегают общих выводов и категорических оценок, привлекая внимание читателя ко многим интересным, не попадавшим до недавнего времени в поле зрения исследователей, фактам, требующим глубокого изучения и осмысления. Представляя разные, иногда противоположные, точки зрения на исследуемую проблему, этот научный труд не дает однозначных ответов на многие вопросы, а, скорее ставит множество новых, что еще раз доказывает, что теорию языковой относительности нельзя считать научным анахронизмом, а сложнейшие многоаспектные проблемы, которые она поднимает, – раз и навсегда ре-

шенными. Напротив, современные достижения лингвистики и смежных научных дисциплин, а также интерес лингвистов к проблеме языковой картины мира застав-

ляют подойти к анализу этой теории со всей серьезностью и с учетом всех достижений современного научного знания.

Л.И. Гришаева

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОГНОСТИКА И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ
(Проблемы лингвистической прогностики / ред. А.А.Кретов. — Вып.1.—
Воронеж: ВГУ, 2000.—162 с.)

Выяснение причин развития языковой системы в том направлении, как это может определить лингвист после длительного, тщательного анализа эмпирического материала — одна из наиболее интересных задач, которые ставит перед собой практически каждый исследователь языка. К сожалению, даже наиболее дотошные из них не могут быть полностью уверены в том, что при большом охвате эмпирического материала сделанные ими выводы не будут в последствие самым кардинальным образом пересмотрены, хотя в поговорку вошла скрупулезность лингвистических описаний, например, в немецкой культуре: *linguistische Akribie*.

И это только одна сторона проблемы, касающаяся надежности исследовательских методов и приемов, верификации получаемых данных. Другой ее стороной является целесообразность увеличения или уменьшения количества данных, подлежащих анализу, определения оптимального количества изучаемых языковых средств. Очевидно, что затронутые вопросы приобретают особое значение с учетом ограниченности и жизни, — а значит, и исследования - лингвиста, и вычислительных способностей человеческого мозга.

Высказанные соображения побуждают с особым интересом обратиться к возможностям компьютерных и статистических методов обработки языкового материала, о некоторых из которых в их практическом преломлении сообщают статьи рецензируемого сборника.

Выпуск I сборника “Проблемы лингвистической прогностики” объединил результаты исследований воронежских, московских, курских, киевских, омских

лингвистов. Эти исследования, выполненные в русле нового раздела языкознания — лингвистической прогностики, “занимающейся” - как это определяет научный редактор сборника - теоретическим (доэмпирическим, доопытным) обнаружением лингвистических объектов” (с.2).

Какому бы разделу, аспекту, направлению традиционной лингвистики не принадлежал объект исследования: переводоведению (статья Н.А.Фененко), словообразованию (работы О.Б. Полячук, О.Т. Косаренко, Л.Н. Матыциной, И.Е. Ворониной, Е.А. Карпиловской, И.А. Меркуловой), изучению сочетательных потенциалов различных единиц (исследования Е.А. Алексеевой, Л.В. Молчановой, О.Л. Гамовой, Г.В. Переверзевой, О.О. Борискиной), лексикографии (М.М. Шетля), истории языка (статья Т.А.Поздняковой), индоевропеистике (работа А.А. Супроткиной), лингводидактике (работа Т.М.Велла, В.И.Нукаловой), контрастивной лингвистике (статья Л.А.Борис), текстовой типологии (статья Л.В. Гарской) — выясняется, что методология науки, задающей “особый угол зрения, ориентированный на обеспечение прогнозирования развития” (с. 3) языка в целом и его подсистем в частности, обладает значительной объяснительной силой. Об этом свидетельствуют выводы теоретического и практического характера в опубликованных работах.

Учитывая то, что “сегодня не существует такой монографии по теоретической лингвистике или такого учебника общего языкознания, с помощью которых можно было бы познакомиться с основными понятиями сравнительно нового раздела